

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

ОКТАБРЬ.

№ 23.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОСЕНІЙ МОТИВЪ (стих.).
МАЛЕНЬКІЙ ТАЦІЙ.
ОКТАБРЬ (стих.).
ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ. (Повѣсть).
КОЕ-ЧТО О НАСЪКОМЫХЪ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Книга—„Въ неволѣ“ (Повѣсть для дѣтей).
Картина—„Не бойся, не уронию!“.

№ 23. Октябрь, 1915. Годъ изданія VIII-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дружба.

ОСЕННИЙ МОТИВЪ.

Мнѣ жаль, что лѣто миновало,
 Что отцвѣли цвѣты луговъ,
 Что такъ безлюдно въ полѣ стало,
 Не слышно птичьихъ голосовъ...

Еще не падалъ снѣгъ пушистый,
 Не приходили выюги къ намъ,
 Но первый иней серебристый
 Уже сверкаетъ по утрамъ,

Висить на вѣткахъ обнаженныхъ
 И на увянувшихъ цвѣтахъ
 И быстро таетъ на зажженныхъ
 Зарю солнечныхъ лучахъ...

Осенній вѣтеръ бродить въ полѣ,
 Деревья всѣ обнажены...
 Прощайте-жъ, птички, солнце, воля,
 До новой радостной весны!

Ф. Черновъ.

МАЛЕНЬКІЙ ТАЦІЙ.

Всякій разъ, какъ Нумерій выходилъ гулять, онъ неизмѣнно встрѣчалъ около одной изъ хатокъ мальчика, который ему улыбался. Мальчику этому было восемь или девять лѣтъ, у него были совершенно голубые глаза и курчавые свѣтлые волосы. Нумерій былъ одинокъ, любилъ дѣтей и ему было пріятно встрѣчаться съ этимъ мальчикомъ.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ его однажды.

— Тацій, отвѣтилъ мальчикъ.

— Кто твои родители?

— У меня вовсе нѣтъ родителей. Я — сирота. Я живу у бабушки...

— Чѣмъ же вы живете? На что вы покупаете хлѣбъ?

— Бабушка собираетъ въ поляхъ разныя травы, дѣлаетъ изъ нихъ лекарства и продаетъ ихъ въ Римѣ на базарѣ. Ея лекарства помогаютъ и людямъ, и звѣрямъ...

— Откуда же ты знаешь, что они помогаютъ?

— Я самъ видѣлъ, какъ однажды пришелъ къ намъ человекъ, который кричалъ отъ боли. Бабушка дала ему чего-то выпить, онъ тотчасъ же заснулъ и проспалъ вотъ здѣсь, у забора, цѣлые два дня, не просыпаясь. А когда онъ пробудился, то былъ уже совсѣмъ здоровъ. Въ другой разъ къ намъ принесли бѣшеную кошку. Бабушка дала ей чего-то понюхать и она тоже заснула.

Нумерій усмѣхнулся.

— Это интересно, сказалъ онъ. — Расскажи мнѣ что-нибудь еще!

Онъ взялъ Тація за руку и повелъ его за собой.

Они прошли предмѣстье и вступили въ Римъ. Мимо нихъ взадъ и впередъ съ грохотомъ проѣзжали колесницы, проходили войска, спѣшили прохожіе, громко стуча по мостовой сандаліями. Нумерій и Тацій проходили улицу за улицей и все время мальчикъ болталъ и наивно рассказывалъ о лекарствахъ своей бабушки. Нумерію было пріятно слушать его болтовню. Дѣтскій безхитростный лепетъ согрѣвалъ его душу и ему было забавно и въ то же время хотѣлось смотрѣть ему въ голубые довѣрчивые глаза. Онъ былъ доволенъ, что нашелъ себѣ въ Таціи маленькаго друга.

Они побродили по великому городу и снова вышли въ предмѣстье. Мальчикъ ушелъ къ своей бабушкѣ, а Нумерій отправился къ себѣ въ виллу.

Съ этого дня они стали гулять вмѣстѣ каждый день и очень сдружились.

Нумерій былъ царедворецъ. Онъ состоялъ въ свитѣ при римскомъ императорѣ Тиверіи и былъ очень богатъ. Хотя онъ былъ совершенно одинъ, но его окружали десятки слугъ, его вилла считалась одной изъ самыхъ лучшихъ въ древнемъ Римѣ — и эти его одиночество и богатство сдѣлали его

независимымъ и въ жизни. Онъ отличался прямою, всегда говорилъ одну только правду, рѣзко высказывалъ свои сужденія и даже самому императору смѣло дѣлалъ замѣчанія. Это создало ему при дворѣ особое положеніе: одни боялись его, другіе завидовали ему и старались наклеветать на него императору, а самъ Тиверій, отличавшійся жестокостью, высоко цѣнилъ его и въ то же время побаивался его.

— Если-бъ не его умъ, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ, — то я давно бы отдалъ его на съѣденіе лвамъ!

Все считали это за шутку и никто изъ царедворцевъ не придавалъ значенія этимъ его словамъ. Считалъ это шуткой и самъ Нумерій и попрежнему держалъ себя независимо и особнякомъ и говорилъ правду всѣмъ въ глаза. Онъ не любилъ царедворцевъ, тяготился жизнью при дворѣ и если оставался при своемъ императорѣ, такъ только потому, что считалъ своимъ долгомъ ему служить. Вотъ почему онъ и привязался къ Тацію, въ которомъ полюбилъ его ласку, довѣріе, безхитростность и довѣрчивую улыбку. Съ нимъ онъ чувствовалъ себя легко.

— Прелестный мальчуганъ! говорилъ онъ себѣ не разъ. — Надо будетъ для него что-нибудь сдѣлать!..

Дни проходили за днями и каж-

дое утро къ Нумерію являлся Тацій, бѣгалъ у него по дорожкамъ парка, рассказывалъ ему различныя исторіи и затѣмъ оба они отправлялись гулять. И когда они проходили черезъ Римъ, то встрѣчавшіеся имъ патриціи оглядывали мальчика со всѣхъ сторонъ и говорили:

— Навѣрное, Нумерій хочетъ его усыновить! Нумерій одинокъ и не даромъ же они ходятъ постоянно вдвоемъ!

Однажды Тацій прибѣжалъ къ Нумерію въ страшномъ волненіи. На немъ не было лица. Онъ былъ блѣдень, какъ полотно, губы его дрожали и онъ еле держался на ногахъ.

— Что съ тобой, Тацій? удивился Нумерій.— Чего ты такъ испугался?

Тацій едва могъ говорить.

— Ахъ, господинъ, господинъ!.. воскликнулъ онъ наконецъ, и слезы брызнули у него изъ глазъ. Сейчас приходили къ намъ солдаты и увели мою бабушку. Они сказали мнѣ, что ее сожгутъ на кострѣ!..

— Что такое? изумился Нумерій.— Что ты говоришь? За что ее жечь?

— Они сказали, господинъ, залепеталъ Тацій,— что она волшебница и собираетъ разныя приворотныя травы, что она знаетъ съ нечистыми духами и съ помощью своихъ зелій усыпляетъ людей и

животныхъ! Ахъ, господинъ, господинъ, что же мнѣ теперь безъ бабушки дѣлать? Куда я дѣнусь? Кто дастъ мнѣ теперь покушать?

Горе мальчика было такъ искренно и безутѣшно, что Нумерію стало его жаль. Онъ взялъ его за руку и вывелъ его на улицу.

— Пойдемъ! сказалъ онъ.

Они отправились въ хатку Тація, но она оказалась уже опечатанной. Тогда они пошли къ тому высшему полицейскому чину, по распоряженію котораго была арестована старуха.

— Да, господинъ, отвѣтилъ чинъ.— Я ее арестовалъ по приказанію самого августѣйшаго императора. До его свѣдѣнія дошло, что она занимается волшебствомъ, собираетъ разныя травы и портитъ людей. Теперь ее будутъ судить и прикажутъ сжечь ее на кострѣ.

— Ты говоришь, по приказанію самого императора? спросилъ Нумерій.

— Такъ точно, господинъ.— Я имѣю на то письменный приказъ.

— Въ такомъ случаѣ подожди отсылать ее къ судѣ! Повремени немного!

И оставивъ Тація у себя въ виллѣ одного, Нумерій отправился къ самому императору Тиверію и, пользуясь своимъ правомъ свободнаго доступа къ нему во всякое время, сталъ просить его за старуху. Онъ доказывалъ ему, что никакого волшебства на свѣтѣ не

существуетъ, что ни одинъ чело-
вѣкъ въ мірѣ не можетъ знаться
съ нечистыми духами, потому что
ихъ вовсе нѣтъ, и что бабушка
Тація занималась только пригото-
вленіемъ лекарствъ и по мѣрѣ
силъ помогала людямъ и живот-
нымъ. Онъ говорилъ долго, горячо
и убѣдительно и кончилось дѣло
тѣмъ, что не пршло и часу, какъ
старуха была уже дома и снова
занималась своимъ ремесломъ. Та-
цій былъ внѣ себя отъ радости,
обнимая свою бабушку, радовался
ея освобожденію и не зналъ,
чѣмъ и какъ отблагодарить Ну-
мерія.

„Я не останусь передъ моимъ
господиномъ въ долгу“, думалъ
онъ. — „Ужъ какънибудь и чѣмъ
нибудь,— а я ему отплачу!“

Прошелъ мѣсяцъ, времена пере-
мѣнились и Нумерій попалъ, на-
конецъ, въ опалу. Императоръ раз-
гнѣвался на него, такъ какъ Ну-
мерій чѣмъ-то не понравился
ему, — и онъ приказалъ его бро-
сить на съѣденіе ко львамъ. Это
была одна изъ жестокостей Ти-
верія. Онъ могъ бы лишить Ну-
мерія его имѣній и сослать его въ
отдаленныя мѣста, но ему было
пріятно удовлетворить свою кро-
вожадность и онъ нарочно при-
казалъ отдать своего царедворца
львамъ.

— Пусть они полакомятся имъ!..
сказалъ онъ съ усмѣшкой. — Онъ,
должно быть, вкусный!..

На виллу явились солдаты и
арестовали ничего не подозрѣвав-
шаго Нумерія. Но онъ не поте-
рялъ присутствія духа. Узнавъ о
волѣ императора, онъ спокойно
простился со своими домашними
и рабами, и послѣдовалъ за стра-
жей. Ему только было жаль, что
онъ не увидитъ больше малень-
каго Тація—и теперь, въ послѣд-
нюю минуту, разлука съ нимъ по-
казалась ему невыносимой. Онъ
и самъ не ожидалъ, что такъ го-
рячо полюбилъ мальчугана.

„Что-то съ нимъ будетъ безъ
меня?“ думалъ онъ. — „Не успѣлъ
я его обезпечить“...

Нумерія не сразу отдали львамъ.
Его еще на сутки заключили въ
темницу. По какому-то странному,
непонятному капризу его навѣ-
стилъ въ ней самъ императоръ,
вѣроятно, для того, чтобы лишній
разъ надъ нимъ поиздѣваться.

— Вечеромъ придутъ сюда къ
тебѣ тюремщики, сказалъ онъ, —
схватятъ тебя и бросятъ въ пе-
щеру ко львамъ. Тамъ ты прове-
дешь съ ними ночь. Если львы не
съѣдятъ тебя за ночь, то утромъ
я дамъ тебѣ свободу. Я навѣщу
тебя самъ.

Нумерій отвернулся. Онъ боялся,
что императоръ замѣтитъ его вол-
неніе. Попавъ не ко львамъ, а въ
темницу, онъ все еще надѣялся,
что здѣсь и останется. Но надеж-
да его обманула. Теперь онъ бу-
детъ растерзанъ звѣрями.

Пещера была вырыта въ землѣ, была глубока и закрывалась сверху рѣшеткой. На днѣ ея бродили три голодныхъ льва. Они томились въ сырости и полумракѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали, когда вдругъ поднимется рѣшетка, и къ нимъ бросятъ какого-нибудь осужденнаго преступника или дохлую лошадь.

Императоръ все еще стоялъ передъ Нумеріемъ, очевидно, ожидая отъ него просьбъ о пощадѣ, но Нумерій былъ гордъ и не просилъ.

— Я повторяю тебѣ, сказалъ императоръ, — что если завтра, съ восходомъ солнца, ты будешь живъ, то я дамъ тебѣ свободу.

Нумерій не отвѣтилъ ни слова. Тиверій повернулся къ нему спиной и вышелъ. Загремѣли засовы и забренчали замки, и Нумерій остался одинъ. Значитъ, теперь ему уже не будетъ пощады. Черезъ какихъ-нибудь три-четыре часа, когда наступитъ вечеръ, къ нему войдутъ сюда стражники, схватятъ его и отдадутъ его на съѣденіе звѣрямъ.

Но чу! Что это за звукъ? Снова гремятъ засовы и бренчатъ замки. Неужели же такъ скоро наступилъ уже вечеръ? Нѣтъ, это не стража! Дверь открывается и въ тюрьму вбѣгаетъ маленькій мальчикъ. Онъ бросается къ Нумерію на шею и начинаетъ его цѣловать.

— Тацій! воскликнулъ въ восторгѣ Нумерій. — Какими судьбами? Какъ ты сюда попалъ?

— Я попросилъ тюремщика, просто отвѣтилъ мальчикъ, — онъ меня и впустилъ...

— Ты пришелъ проститься со мной? Да?

— Нѣтъ, господинъ, я пришелъ тебя спасти!

— Ты? Меня спасти? Да возможно ли это? Ты такой маленькой!

Тацій скромно опустилъ глаза и покраснѣлъ.

— Помнишь, господинъ, сказалъ онъ, — я рассказывалъ тебѣ, что моя бабушка лечила однажды больную кошку. Бабушка дала ей чего-то понюхать, — и она заснула...

— Ну?

— Я принесъ тебѣ этого средства!

— Чтобы я тоже заснулъ?

— Нѣтъ, чтобы заснули львы.

И мальчикъ протянулъ къ нему флаконъ, въ которомъ находился какой-то пахучій сокъ растенія.

— Возьми его, господинъ, продолжалъ онъ. — Вѣдь ты знаешь, что всѣ животныя кошачьей породы прежде, чѣмъ схватить добычу, сначала обнюхиваютъ ее. Такъ мнѣ сказала бабушка. Вотъ ты и обмажься весь этой жидкостью! Львы понюхаютъ и заснутъ!

Нумерій погладилъ мальчика по головѣ.

— Дорогой мой, сказалъ онъ, —

все это сказки или женскія выдумки. Развѣ возможно, что бы голодные львы не бросились на добычу сразу! Не будемъ-же тѣшить себя напрасными надеждами!..

— А ты, господинъ, попробуй! Вѣдь кошка-же заснула! Лишь-бы только львы могли проспять до утра!

Въ эту минуту дверь тюрьмы завизжала на петляхъ, въ нее заглянулъ тюремщикъ и крикнулъ мальчику, что пора уже уходить. Тацій незамѣтно сунулъ Нумерію флаконъ съ жидкостью, обнялъ его, поцѣловалъ и, громко залившись слезами, вышелъ изъ камеры.

Тотчасъ-же по его уходѣ, Нумерій вытащилъ зубами изъ флакона пробку и обмазалъ жидкостью себѣ все тѣло.

— Будь, что будетъ! сказалъ онъ себѣ.— Исполню то, чего хотѣлъ мой любимецъ!

Настала ночь. Вопли солдаты и взяли съ собою Нумерія. Благородный римлянинъ твердымъ шагомъ послѣдовалъ за ними къ львиной пещерѣ. Стражники приподняли желѣзную рѣшотку и стали спускать Нумерія къ львамъ. Кругомъ тихо-тихо, всѣ уже спятъ и никто не услышитъ его стонъ. Да это и лучше. Люди не любили его, завидовали ему, и онъ не желаетъ ихъ сожалѣнія.

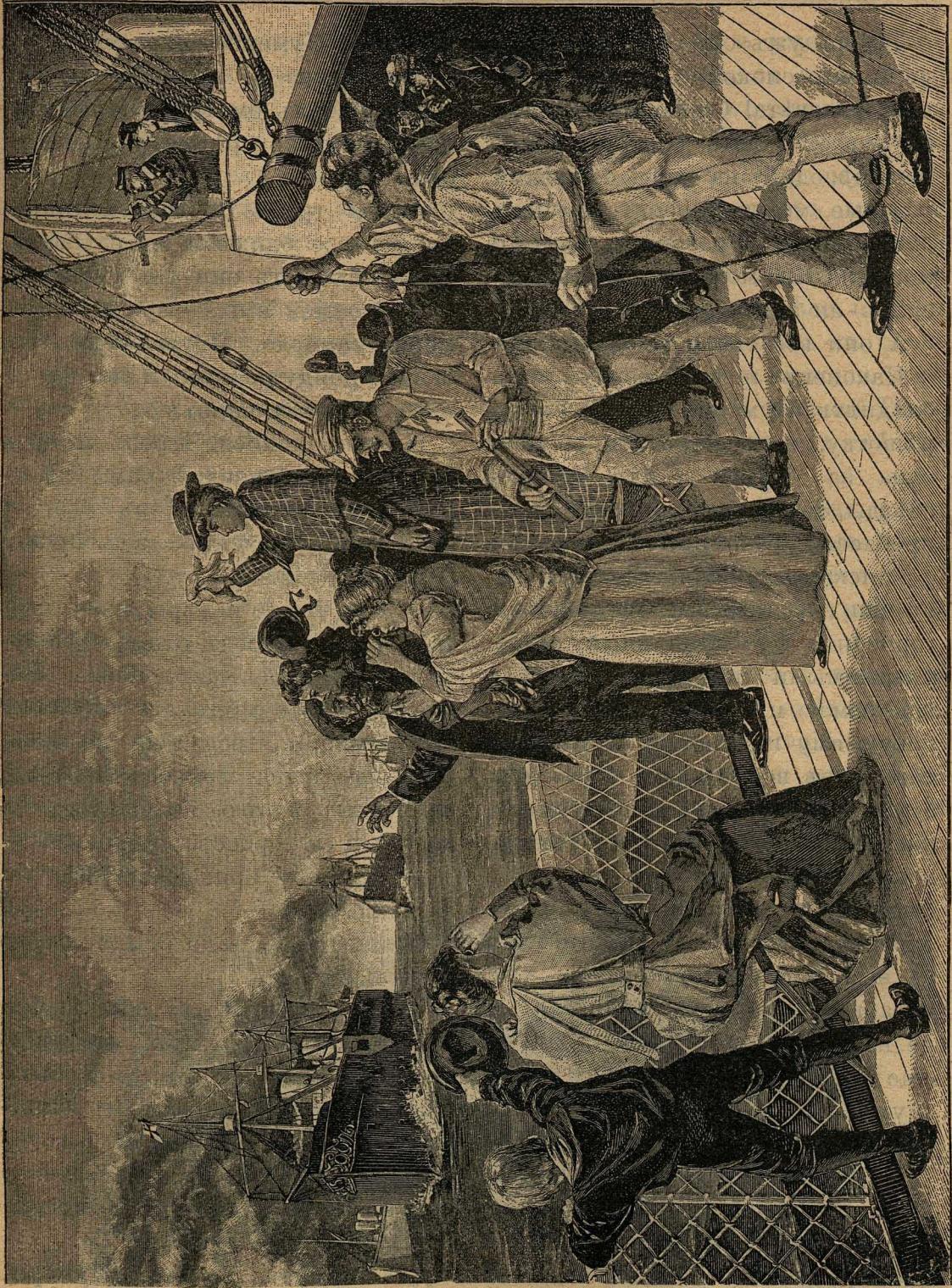
Вотъ Нумерій уже посрединѣ пещеры. Стражники ушли и оставили его со львами одного. Удив-

ленные неожиданностью добычи, львы поднялись и безшумно, съ едва только слышнымъ мурлыканьемъ довольства, направились къ Нумерію. Глаза ихъ сверкали во тьмѣ, какъ огоньки. Они открыли свои пасти и оскалили острые, кривые зубы... Пройдетъ мгновение—и эти зубы вонзятся въ нѣжное тѣло римлянина и разорвутъ его на части. Въ ужасѣ Нумерій закрываетъ глаза и чувствуетъ, что все тѣло его начинаетъ холодѣть.

Но нѣтъ! Звѣри подходятъ къ нему, обнюхиваютъ его со всѣхъ сторонъ, стараются вдыхать въ себя исходящій отъ него запахъ, глаза ихъ тускнѣютъ, пасти закрываются и одинъ изъ нихъ не выдерживаетъ и, отойдя въ сторону безъ чувствъ валится на полъ на бокъ. Другой еще старается побороть въ себѣ усыпленіе, но уступаетъ дѣйствию запаха и сваливается тоже. Третій въ злобѣ ворчитъ, хочетъ впиться зубами въ тѣло Нумерія, но у него не хватаетъ силъ бороться противъ сна и онъ, какъ послушная собака, укладывается у самыхъ ногъ своей добычи. Тогда Нумерій призываетъ къ себѣ все свое мужество, сбрасываетъ съ себя одежду, разрываетъ ее съ помощью зубовъ на длинныя полосы и, пока звѣри спятъ или находятся въ забытіи, крѣпко связываетъ имъ ноги и пасти.

Концертъ.

Встрѣча въ океанѣ.

Теперь ужъ они безопасны! Теперь онъ спокойно можетъ ожидать разсвѣта! Спокойно... Какое-же можетъ быть спокойствіе въ пещерѣ, одинъ на одинъ со львами, которые могутъ проснуться каждую минуту и разорвать на себѣ повязки! Кто можетъ сказать, проспять-ли львы до утра!

А они все спали и спали.

Наконецъ небо наверху стало блѣднѣть. Нумерій видѣлъ сквозь рѣшотку, какъ надъ его головой одна за другой стали гаснуть звѣзды. Затѣмъ проглянули первые проблески разсвѣта. Пронеслись съ пискомъ стрижи, залетали ласточки, и солнце выглянуло изъ-за горизонта. Его лучи хлынули неудержимыми потоками, освѣтили всю землю и заглянули и въ глубокую яму къ узнику. И по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе пробуждалась природа, душу Нумерія наполняло безпокойство. Теперь, конечно, всѣ считают его уже сожраннымъ звѣрями. Кому будетъ охота придти къ ямѣ и заглянуть въ нее? Что, если императоръ уже позабылъ о своемъ обѣщаніи и не навѣститъ его? Вѣдь пройдутъ еще часъ-другой, — и львы проснутся. Смогутъ-ли ихъ сдержать его перевязки?

Но безпокойство его было напрасно. Въ шесть часовъ утра отдаленный звукъ трубъ и множество голосовъ убѣдили его, что къ ямѣ приближался самъ импе-

раторъ. Нумерій скрестилъ на груди руки и, поднявъ къверху голову, сталъ смотрѣть на виднѣвшееся сквозь рѣшетку небо и ожидать.

Звуки трубъ и голоса становились все ближе и все слышнѣе. Вотъ наконецъ они послышались уже у самой ямы. Сердце у Нумерія замерло. Неужели-же эти люди пройдутъ мимо и не заглянуть къ нему внизъ?

Но онъ ошибся. Черезъ минуту къ ямѣ приблизился самъ императоръ и, заглянувъ въ нее, въ крайнемъ удивленіи сталъ протирать себѣ глаза.

— Это что-то невѣроятное!.. сказалъ онъ. — Передъ этимъ человѣкомъ смирились даже львы... Неужели я не сумѣлъ его оцѣнить?

А Нумерій, все еще не зная, чѣмъ кончится приходъ Тиверія, наступилъ ногою на одного изъ львовъ и съ гордостью спросилъ:—

— Что еще прикажешь мнѣ сдѣлать, Цезарь?

Императору стало стыдно своей жестокости.

— Я приказываю тебѣ выйти изъ этой ямы, глухо отвѣтилъ онъ. — Я приказываю тебѣ быть моимъ первымъ и самымъ близкимъ моимъ совѣтникомъ, которымъ я буду дорожить уже всю мою жизнь! Стражники! Помогите ему выйти изъ ямы!

Двѣ минуты спустя, Нумерій уже былъ на землѣ и съ безумной

радостью глядѣлъ на солнце, на небо, на деревья и на траву, которыя казались ему лучше, чѣмъ когда-либо въ его жизни. Едва только онъ вышелъ изъ ямы, какъ къ нему подбѣжалъ маленькій Тацій и съ восторгомъ повисъ у него на шеѣ.

— Но отчего-же ты, господинъ, сталъ сѣдой, какъ старикъ? спросилъ онъ у Нумерія. — Прошла всего только одна ночь, а ты сталъ бѣлымъ, какъ снѣгъ.

Императоръ со свитой ушли и, Нумерій съ Таціемъ остались одни.

Нумерій взялъ мальчика за руку и повелъ его къ себѣ домой. Ему очень хотѣлось пить. Онъ подошелъ къ одному изъ фонтановъ и припалъ устами къ его водѣ. На ея поверхности отразилась его бѣлая, какъ лунъ, голова. А ему было всего только тридцать лѣтъ. Онъ посѣдѣлъ за одну только ночь.

— Да, Тацій, сказалъ онъ за-

думчиво, — теперь я уже старикъ. Кому много дано, съ того много и взыщется. Какъ счастливъ тотъ, кто живетъ скромно и въ сторонѣ, не стремится къ высокому положенію и не обращаетъ на себя ничьего вниманія! Когда вырастешь большой, то дѣлай скромно Богомъ данное тебѣ дѣло, не жди себѣ награды и не лѣзь къ почестямъ! Тогда ты не окажешься въ моемъ положеніи и никакой Тиверій въ мірѣ не броситъ тебя ко львамъ!

И взявши мальчика на руки, онъ внесъ его къ себѣ въ домъ.

— Все это принадлежитъ тебѣ, сказалъ онъ. — Теперь ты мой, и я дарю все это тебѣ!

Мальчикъ вырвался у него изъ рукъ и со звонкимъ смѣхомъ побѣжалъ въ садъ. Нумерій остановился на портикѣ и еще долго смотрѣлъ, какъ онъ бѣгалъ и игралъ съ собаками.

К. Тр.—

ОКТАБРЬ!..

Октябрь!.. Плывутъ по небу тучи, Проснешься утромъ—всюду иней.
Цвѣты померзли у крыльца, Кругомъ все бѣло... былъ морозъ..
Повсюду листьевъ желтыхъ кучи Притихло все, лишь гусь съ гусы-
И дождикъ, дождикъ безъ конца. Бредутъ туда, гдѣ былъ овесъ. [ней

Но онъ ужъ сжать, ужъ тамъ вспахали,—
И гуси шествуютъ назадъ...
Пояло все, туманны дали
И ужъ въ поляхъ не слышно стадъ...

Кузнечикъ.

ВЪ ЧУЖОЙ СЕМЬѢ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Антонина Яковлевна неожидан-но получила отъ мужа телеграмму, быстро собралась и уѣхала въ Москву. Она долго прощалась съ дѣтьми, боялась за нихъ, не хотѣла съ ними разставаться, но ѣхать было нужно,—и она во всемъ положила на Евгенію Александровну и на дядю-Ваню.

— Я скоро вернусь, говорила она имъ.—Вы-жъ безъ меня при-сматривайте за дѣтьми!.. Какъ-бы чего съ ними не случилось!..

Но случилось не съ дѣтьми, а съ самимъ Иваномъ Яковлевичемъ. Какъ только уѣхала Антонина Яковлевна, такъ онъ и слегъ. У него начался жаръ, по всему тѣлу у него разлилась ломота и онъ

жилъ у себя на мельницѣ въ пол-номъ уединеніи и никого къ себѣ не принималъ. Проводивъ сестру, онъ едва дотащился изъ Бочанова къ себѣ и, не раздѣваясь, пова-лился на постель.

— Что это со мной? спраши-валъ онъ себя.—Гдѣ это я просту-дился?

Находившаяся при немъ ста-рушка-прислуга предложила-было ему послать въ земскую больницу за докторомъ, но онъ ее остано-вилъ.

— Вотъ мой докторъ! указаль онъ на Распятіе.— Все пройдетъ!

И по мѣрѣ того, какъ онъ не являлся въ Бочаново, дѣти все больше и больше теряли терпѣніе

и хотѣли его видѣть. Они нависали на окнахъ, капризничали и Евгени Александровнѣ стоило большого труда развлечь ихъ и заставить ихъ думать о другомъ.

— Да поймите-же вы, говорила она имъ не разъ, — что онъ не можетъ придти къ вамъ сегодня! Онъ боленъ! Онъ лежитъ.

Вѣсть о томъ, что Иванъ Яковлевичъ заболѣлъ, испугала Марусю. Душу ея наполнилъ страхъ. Она хотѣла побѣжать къ нему, повидаться съ нимъ, но это было невозможно, такъ какъ онъ жилъ далеко, въ двухъ верстахъ отъ Бочанова, а она была еще маленькая и ей не позволялось уходить такъ далеко одной. Она думала о немъ цѣлые дни, онъ не выходилъ у нея изъ головы и она то и дѣло поглядывала на образъ и молилась.

— Господи, помилуй его! Боженька, исцѣли его поскорѣе!

Но вотъ въ Бочановѣ заговорили, что дядѣ-Ванѣ уже стало лучше. Онъ уже всталъ съ постели, но только не выходитъ на воздухъ. Тогда Маруся рѣшилась. Она такъ уже соскучилась по немъ, что была уже не въ состояніи владѣть собой и рѣшила его повидать. Она только заглянетъ къ нему въ щелочку, посмотритъ на него и убѣжитъ обратно.

„Пусть сердятся на меня!.. Думала она. — Я больше не могу!“

Она выскочила за ворота и, убѣдившись, что за ней на наблю-

даетъ никто, со всѣхъ ногъ побѣжала на мельницу. Она боялась оглянуться назадъ, точно ожидала за собой погоню, и сердце у нея билось такъ, что она слышала его удары. Заходило солнце, вдалекѣ лентой тянулась черезъ луга рѣка и на горизонтѣ, изъ-за лѣса, выглядывала бѣлая церковь, на которой ярко, какъ звѣзда, блистала на солнцѣ крестъ. Маруся побѣжала полъ-дороги, устала и остановилась, чтобы перевести духъ. Усадьба была уже далеко. Изъ темной зелени парка виднѣлся одинъ только домъ и на немъ тоже отъ заката ярко блистали всѣ стекла, такъ что было похоже на пожаръ.

— „Теперь меня, должно-быть, тамъ уже хватились“... подумала она. — „Ну, ничего, поищутъ и перестанутъ“...

И она побѣжала далѣе.

Но вотъ ужъ и мельница. Вотъ и домикъ, въ которомъ живетъ Иванъ Яковлевичъ. На мельницѣ всего только два крыла, остальные два обломались уже давно. Дверь въ мельницу забита досками. Но зато у домика хорошо. Онъ весь заросъ сиренью, которая въ полномъ цвѣту и, совсѣмъ къ нему близко, такъ близко, что кажется, можно достать рукою, поютъ соловьи. Съ пискомъ летаютъ взадъ и впередъ ласточки и въ кустахъ, между вѣтвей, уже жужжатъ жуки. Маруся подходит къ домику и робко вступаетъ на порожекъ.

„Дядя не любитъ, когда его беспокоятъ“... думаетъ она.— „Пожалуй еще онъ разсердится на меня!“...

И она беретъ рукой за сердце и не знаетъ, какъ ей поступить.

Какъ вдругъ изъ домика до нея доносятся звуки виолончели. Она вздрагиваетъ, останавливается у двери, хватается за косякъ и начинаетъ слушать. Но что это за инструментъ? На чемъ это играютъ? Она слышала, какъ пѣла ея нянька въ пріютѣ, когда укачивала ее по вечерамъ, слышала, какъ играютъ на рояли и какъ съ музыкой проходили иногда по улицамъ солдаты, но такого инструмента она не слыхала еще никогда. Эти звуки были для нея чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ до сихъ поръ еще ни разу. Они были такіе серьезные, глубокіе, такіе бархатные, проникавшіе до самой глубины души. И ей почему-то вдругъ захотѣлось плакать. Не отъ горя, не отъ печали, а отъ какого-то пріятнаго, невѣдомаго чувства, которое вдругъ наполнило ея душу. Она стояла у стѣны, чувствовала холодокъ кирпичей у своего плеча и не рѣшалась войти внутрь. Но музыка скоро прекратилась.

— „Быть можетъ, онъ поиграетъ что-нибудь еще“... подумала она.

Но Иванъ Яковлевичъ такъ и не заигралъ. Она постояла еще немного и, спохватившись, что на-

ступаль уже вечеръ, встряхнула головой, какой-то неожиданный страхъ вдругъ овладѣлъ ею, и такъ и не повидавшись съ дядей-Ваней, она со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать къ себѣ домой.

Дома ее никто не хватился, никто даже и не спросилъ, гдѣ она была. и она рѣшила никому не говорить, что была на мельницѣ. Но звуки неотступно слѣдовали за ней, стояли у нея въ ушахъ и въ сердцѣ и она наконецъ не стерпѣла и, ложась спать, рѣшилась спросить у дѣтей:—

— На чемъ это дядя - Ваня играетъ? Какой это инструментъ?

Вопросъ этотъ выдавалъ ее съ головой, но дѣтямъ и въ голову не пришло, что она могла быть на мельницѣ.

— А ты развѣ не знаешь? воскликнулъ Коля. — Это виолончель. Такая большая скрипка, что дядя-Ваня ставитъ ее на полъ и водить по ней смычкомъ! Онъ часто прѣзжалъ съ ней къ намъ въ Москвѣ и игралъ вмѣстѣ съ Евгеніей Александровной. Мы любили его слушать...

Маруся не спросила болѣе ничего, укрылась съ головой и отвернулась къ стѣнѣ.

— Я послушаю дядю еще разъ!.. рѣшила она.

Она долго не могла заснуть. Радость наполняла ея сердце. Если это игралъ онъ,—а дѣти говорятъ, что у него дѣйствительно есть ка-

кая-то большая скрипка, которая ставится на полъ и по ней водятъ смычкомъ, — то, значить, онъ теперь уже здоровъ и она скоро его увидить здѣсь въ Бочановѣ. Но все-таки лучше, если она еще разъ сбѣгаетъ къ нему сама! Вѣдь это такъ интересно и такъ полно приключеній!

Прошло еще три дня и Иванъ Яковлевичъ все еще не появлялся въ Бочановѣ. Это стало беспокоить Марусю. За эти дни она то и дѣло выбѣгала изъ усадьбы, прислушивалась, поджидала его и въ то-же время боялась пойти къ нему сама. А что, если это ему не понравится? Что, если онъ обидится на нее? Это пугало ее больше всего. Наконецъ она не сумѣла больше преодолѣть искушенія и побѣжала къ нему. Какъ и въ тотъ разъ, былъ вечеръ, опять заходило солнце, летали ласточки и распѣвали соловьи, но виолончель у дяди-Вани уже больше не играла. Маруся подошла къ двери и робко стала у косяка.

— Развѣ войти? задала она себѣ вопросъ. — Что, если я отворю сейчасъ дверь и войду къ нему?

Сердце у нея забилося. Что-то подсказывало ей, что она дѣлала нехорошо, что ушла, не спросивъ позволенія у Евгеніи Александровны, но въ то-же время внутренній голосъ властно повелѣвалъ ей войти и повидаться съ тѣмъ, кто былъ для нея дороже всѣхъ на свѣтѣ.

И она робко отворила дверь и тихонько, какъ мышка, вошла къ Ивану Яковлевичу. Онъ сидѣлъ у стола, подперши голову руками, и о чемъ-то думалъ. Его большая скрипка лежала около него бокомъ на полу и тутъ-же на треножникѣ стояли ноты. Ясно было, что онъ только что игралъ. Онъ такъ былъ погруженъ въ свои думы и она такъ тихонько къ нему вошла, что онъ этого вовсе и не замѣтилъ. Тогда она не въ силахъ была уже больше сдерживать себя, бросилась къ нему и обхватила его шею руками.

— Дядя!.. Дядечка!.. залепетала она. — Дядя!..

Онъ быстро вскочилъ, лицо его просіяло и онъ радостно улыбнулся.

— Это ты? спросилъ онъ. — Одна? Какъ-же ты сюда попала?

Она смутилась.

— Я прибѣгала уже къ тебѣ одинъ разъ, когда ты былъ боленъ, отвѣтила она, опустивъ глаза и покраснѣвъ, — но постояла немного у двери и ушла... Ты тогда игралъ...

— Ты? Прибѣгала ко мнѣ? удивился онъ. — Почему-же ты тогда не вошла?

— Я боялась, что побезпокою тебя... Вотъ и сейчасъ я вошла къ тебѣ и помѣшала... Ты о чемъ-то думалъ...

Онъ глубоко вздохнулъ и провѣлъ ладонью по лбу.

Новая семья.

У ВОДОПОЯ.

— Да, я думалъ... признался онъ.

— О чемъ? наивно спросила она его.

— О тебѣ, Маруся... Мнѣ вдругъ сдѣлалось тебя жаль... Вѣдь ты одна во всемъ свѣтѣ, у тебя нѣтъ мамы и ты о ней ничего не знаешь... Вѣроятно, тебѣ тяжело расти одной... Кстати, гдѣ у тебя крестикъ мамы? Ты его еще не потеряла?

— Нѣтъ, онъ сейчасъ на мнѣ, отвѣтила она, полѣзла рукой за воротъ и достала оттуда золотой крестъ.

— Ну, хорошо, спрячь его обратно! Ты только его береги; это твоя мама дала его тебѣ въ послѣднюю минуту...

Она большими глазами посмотрѣла на Ивана Яковлевича.

— А кто была моя мама? вдругъ спросила она.

Онъ взялъ ее за руку и вышелъ съ нею на воздухъ.

— Пойдемъ! сказалъ онъ. — Я проведу тебя домой!

Отъ сирени шелъ густой аромат и гдѣ-то далеко-далеко мычало стадо, возвращавшееся съ пастбища домой.

Нѣкоторое разстояніе Иванъ Яковлевичъ и Маруся прошли молча. Стадо уже смолкло, но вмѣсто него закричали лягушки и зацелкали во ржи перепела. Запахло полевыми цвѣтами, въ низинахъ поднимался сѣдой туманъ, повѣяло прохладой и далеко, по

ту сторону рѣки, по шоссе, оставляя за собою цѣлыя облака пыли, ѣхалъ тарантасъ и громыхалъ колесами и плачь его звонка волнами разливался по воздуху.

— Я давно уже ожидалъ, началъ Иванъ Яковлевичъ, — что ты рано или поздно задашь мнѣ неизбѣжный вопросъ: кто была твоя мать? Я и самъ рассказалъ бы тебѣ все, но ты была еще маленькая, и я боялся нарушить покой твоей души. Ну, такъ выслушай же меня внимательно!

И онъ рассказалъ ей все: какъ онъ плылъ когда-то на пароходѣ черезъ океанъ, какъ случился пожаръ, какъ ее мать въ послѣдній разъ вынырнула изъ воды и крикнула „прощай, Мари!“ и какіе ужасы пришлось пережить ему, висая на мачтѣ.

— Этотъ крестъ, сказалъ онъ, — она положила на тебя въ послѣднюю минуту, когда передавала мнѣ тебя...

Маруся слушала его, широко раскрывъ глаза. Сердце у нея билось, колѣнки дрожали и она и сама не понимала, какъ могла еще двигаться и какъ еще не лишилась чувствъ. Ей было страшно, что Иванъ Яковлевичъ вдругъ оказывался ей вовсе не дядей, а совсѣмъ чужимъ человѣкомъ, и что такъ ужасно погибла ее мать. Слезы градомъ покатались у нея изъ глазъ и она остановилась и и не знала, что ей дѣлать.

— Господи!.. Господи!.. бормотала она.—Боже мой!.. Что-же теперь дѣлать?

И вдругъ, точно испугавшись чего-то, она вырвала свою руку изъ руки Ивана Яковлевича и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать отъ него къ усадьбѣ. Онъ кинулся вслѣдъ за нею, но ему было не подъ силу догнать ее, и онъ только ругалъ себя, что открылъ ей тайну, и, не успѣвая за нею и задыхаясь, кричалъ ей издали:

— Остановись!.. Подожди!

Затѣмъ она скрылась за поворотомъ дороги, а онъ остановился и перевелъ духъ.

„Что она хочетъ дѣлать?“ подумалъ онъ.—„Куда она побѣжала?“

И насколько позволяли ему силы, онъ опять побѣжалъ вслѣдъ за нею.

Маруся, какъ пуля, влетѣла въ домъ, обѣжала всѣ комнаты и выскочила въ садъ. Въ домѣ не оказалось никого. По царившей въ немъ тишинѣ она догадалась, что Евгенія Александровна съ дѣтьми на крокетной площадкѣ подъ липами, и бросилась туда. Тамъ были одни только дѣти. Она повернула еще издали назадъ, взглянула въ кухню, снова вбѣжала въ домъ и кинулась въ комнату къ гувернанткѣ.

Евгенія Александровна сидѣла у окна и шила, несмотря на сумерки.

— Что съ тобой, Маруся? спро-

сила она, испугавшись вида дѣвочки.—Ты такъ блѣдна? Ты дрожишь? Тебя кто-нибудь напугалъ?

И она вскочила и привлекла къ себѣ Марусю. Та громко разрыдалась и повисла у нея на шеѣ.

— Да что съ тобой? удивилась гувернантка.—Успокойся, сядь и и расскажи!.. Въ чемъ дѣло? Что случилось?

Маруся прижалась къ ней еще тѣснѣе и, пересиливъ рыданія, стала рассказывать ей то, что услышала отъ Ивана Яковлевича.

— Моя мама утонула! Утонула! взвизгнула она.—На пароходѣ былъ пожаръ! Всѣ погибли кромѣ одного только дяди-Вани! Спасся только онъ одинъ!

Евгенія Александровна потеряла себѣ лобъ и виски съ такимъ видомъ, точно на мозгу у нея лежали пудовыя тяжести и мѣшали ей думать.

— Повтори еще разъ то, что ты сейчасъ рассказала! проговорила она.

Маруся повторила.

И вдругъ произошло что-то странное, похожее на чудо. Словно какая-то завѣса вдругъ стала спадать съ глазъ гувернантки. И, приложивъ руку ко лбу, она стала мучительно припоминать.

— Странно... сказала она.—Гдѣ это я то-же самое слыхала? Или, быть можетъ, все это я видала во снѣ? Мнѣ все это приснилось?.. Да, да... Такъ-же горѣлъ пароходъ...

Какой-то низенькій господинъ, похожій на Ивана Яковлевича и такой-же сутулый, стоялъ около мачты и только онъ одинъ не боялся ничего... Затѣмъ, когда всѣ уже бросили пароходъ, то онъ остался на немъ одинъ съ какимъ-то матросомъ... Онъ держалъ на рукахъ моего ребенка... Я увидѣла его и крикнула въ послѣдній разъ: — „Прощай, Мари!“ Что-же это такое? Что со мной случилось? Я ничего не могу понять!..

Маруся перестала плакать и посмотрѣла на нее удивленными глазами.

— Да, да... продолжала припоминать Евгенія Александровна. — Точь въ точь такой-же, какъ дядя-Ваня... И такъ-же горѣлъ пароходъ...

Въ это время Маруся поправила на себѣ волосы и встряхнула головой. Золотой крестъ, данный ей дядей-Ваней, выскочилъ у нея изъ-подъ сорочки и такъ и остался висѣть снаружи.

— А это что на тебѣ за крестъ? вдругъ воскликнула Евгенія Александровна, и поблѣднѣла, какъ полотно.

— Это далъ мнѣ дядя-Ваня..., отвѣтила Маруся. — Онъ сказалъ мнѣ, что это крестъ моей мамы. Она надѣла его на меня передъ тѣмъ, какъ утонуть...

Евгенія Александровна вспыхнула и прильнула къ кресту губами.

— Это онъ! воскликнула она. — Это мой крестъ! Теперь я припоминаю все! Теперь я вспомнила все!

И, не помня себя отъ радости, она вдругъ зарыдала, потомъ засмѣялась, потомъ опять зарыдала и схватила Марусю въ объятія, прижала ее къ себѣ и стала покрывать ее безумными поцѣлуями.

— Ты моя!.. Моя!.. заговорила она. — Значить, спаслась тогда и ты!.. Значить, я тебя нашла! Наконецъ-то я увидела тебя, моя милая, ненаглядная Маруся!

Дѣвочка поняла теперь все. Она взвизгнула и бросилась къ матери на шею.

— Мама!.. Мама!.. закричала она.

И обѣ стали громко плакать.

Въ эту минуту къ нимъ вошелъ Иванъ Яковлевичъ. Увидѣвъ эту сцену, услышавъ эти слова, онъ остановился, какъ вкопанный, и не зналъ, что ему дѣлать и что говорить.

— Возможно-ли?.. бормоталъ онъ. — Неужели Господь возвратилъ ей мать?

А Евгенія Александровна и Маруся въ это время уже носились по комнатамъ и отъ радости плакали и смѣялись. О, эти слезы радости! Онѣ слаще, чѣмъ самый сладкій медъ! Наконецъ Евгенія Александровна увидѣла стоявшаго на порогѣ дядю-Ваню и лицо ея просіяло еще болѣе.

— Это онъ! воскликнула она.— Теперь я вспомнила все! Это онъ спасъ тогда мою дочь!

И она подбѣжала къ нему и горячо поцѣловала его въ лобъ. Онъ взялъ ея руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Теперь ужъ вы не одиноки, сказалъ онъ.— У васъ есть дочь, а у Маруси есть мать.

И, повернувшись, онъ вышелъ изъ комнаты и, опутивъ голову, медленно побрелъ къ себѣ на мельницу. Ему было грустно, что Маруся теперь уже не будетъ принадлежать ему. Никто не замѣтилъ, какъ онъ ушелъ, и никому не было теперь дѣла до того, что онъ остался теперь одинъ и что лишился въ Марусѣ всего, что было для него дорого и привязывало его къ жизни.

Возвратясь домой, онъ досталъ изъ футляра виолончель и сталъ на ней играть. Свое-ли онъ игралъ, или чужое, — онъ этого не помнилъ, но у него выходило хорошо и вся душа его выливалась въ этой музыкѣ.

Какъ вдругъ дверь въ его комнату распахнулась и къ нему, запыхавшись и вся въ поту, вбѣжала Маруся.

— Пойдемъ, дядя! сказала она и схватила его за руку. Антонина Яковлевна пріѣхала съ какимъ-то господиномъ! Пойдемъ скорѣе къ намъ!

Она тащила его такъ, что онъ

едва успѣлъ убрать инструментъ и сложить ноты. Ему не хотѣлось идти въ Бочаново, но было уже поздно и онъ забоялся отпустить ее назадъ одну. Всю дорогу въ усадьбу Маруся бѣжала и онъ еле поспѣвалъ за нею. Онъ вышелъ безъ шапки, волоса его развѣвались, и, глядя на него и на Марусю, со стороны можно было подумать, что они отъ кого-то спасались.

Прибѣжавъ въ усадьбу, Маруся потащила Ивана Яковлевича въ домъ и повела его прямо въ комнату къ гувернанткѣ. Заслышавъ ихъ шаги, Евгенія Александровна сама вышла къ нимъ навстрѣчу.

— Что случилось? спросила она, взглянувъ на дядю-Ваню, у котораго по лицу катился потъ и колбу прилипли взбившіеся волосы.

— Иванъ Яковлевичъ не зналъ, что отвѣтить. Онъ самъ ожидалъ, что ему что-нибудь объяснятъ и скажутъ, зачѣмъ его сюда притащили.

— Дядя-Ваня, вдругъ громко сказала Маруся.— Я не могу жить безъ мамы и не могу остаться безъ тебя! Сдѣлай такъ, чтобы мы остались всѣ вмѣстѣ навсегда!

Иванъ Яковлевичъ смутился, покраснѣлъ и не отвѣтилъ ни слова. Евгенія Александровна тоже смутилась и покраснѣла и отошла къ сторонкѣ. Въ это время въ передней слышались голоса, и вслѣдъ за тѣмъ въ комнату ворвалась цѣлая

толпа дѣтей, а за ними вошла и только что возвратившаяся изъ Москвы ихъ мать. Увидѣвъ дядю-Ваню, дѣти бросились къ нему, окружили его со всѣхъ сторонъ и подняли шумъ и гамъ. Скоро всѣ узнали, что Маруся—дочь гувернантки, и стали ихъ обѣихъ поздравлять и цѣловать. Ахамъ и охамъ не было конца. Затѣмъ всѣ гурьбой повалили въ залу и пустились танцевать. Танцевали всѣ и кто какъ могъ, и было такъ весело, какъ никогда еще не бывало. Я пріѣхалъ тогда въ Бочаново вмѣстѣ съ Антониной Яковлевной, въ первую минуту не могъ никакъ понять, въ чемъ дѣло, но общее веселье захватило и меня, и я тоже сталъ танцевать. Маруся торжествовала. Она то висла на шеѣ у дяди-Вани, то не отходила отъ матери, а то вѣшалась на мнѣ, совершенно незнакомомъ ей господинѣ. Помнится, что въ тотъ вечеръ всѣ мы легли очень поздно спать.

Погостивъ въ Бочановѣ, я черезъ недѣлю собрался-было уѣхать, но меня не пустили. Я долженъ былъ остаться на свадьбу Ивана Яковлевича и Евгениі Александровны, и Маруся и слышать не хотѣла, чтобы я уѣхалъ.

— Дядя-Ваня и мама мои, рѣшительно заявила она,—и я никому ихъ не отдамъ и всѣхъ приглашаю на ихъ свадьбу!

Я долженъ былъ остаться и несколько въ этомъ не раскаиваюсь. Возвратясь изъ церкви, мы пили шампанское, танцевали, шутили и смѣялись и, кажется, никогда еще въ жизни своей я не проводилъ время такъ весело и не гулялъ на такой прекрасной свадьбѣ. Я провозглашалъ тостъ и радуюсь, что мои пожеланія потомъ сбылись и что счастливые дяди-Вани и Евгениі Александровны не было никого на свѣтѣ.

Вмѣстѣ съ ними была безгранично счастлива и Маруся.

М. Б—скій.

К О Н Е Ц Ъ .

КОЕ-ЧТО О НАСѢКОМЫХЪ.

Насѣ было трое мальчиковъ и всѣ мы жили въ одномъ мѣстѣ на дачѣ и очень любили природу. Съ утра и до вечера мы проводили на воздухѣ, слѣдили за насѣкомыми, за полетомъ ласточекъ, за развитіемъ растеній. Намъ было извѣстно, когда должны были вылупиться первые скворцы, когда изъкакой-нибудьгусеницыдолжны были появиться бабочки и черезъ сколько дней долженъ былъ распус- титься какой-нибудь цвѣтокъ. Мы никого изъ нихъ не трогали и, сколько помню, считали себя ихъ друзьями. На цѣлую версту во- кругъ нашей дачи мы положи- тельно знали каждый кустикъ, каждую травинку и все, что въ нихъ дѣлалось. Я былъ старше моихъ товарищей и всегда шелъ впереди ихъ и съ ученымъ видомъ знатока объяснялъ имъ все, что ихъ интересовало.

Однажды мы отправились на прогулку. Намъ хотѣлось освѣдо- миться, появились-ли въ канавахъ, которыми осушалось сосѣднее поле, тритоны съ похожими на вѣточки жабрами, встрѣтимъ-ли мы гдѣ-нибудь на камешкѣ зеленую ящерицу и найдемъ-ли на дорогѣ навозныхъ жуковъ. Намъ многое хотѣлось знать. Мы представляли собою простыхъ безхитростныхъ ребятъ, которыхъ интересовалъ весь міръ и которымъ доставляло

большое удовольствіе переживать вмѣстѣ съ наступавшей весною и съ роскошнымъ лѣтомъ веселый праздникъ пробужденія и оживле- нія природы.

Всѣ наши ожиданія сбылись. Но больше всего, помню, насѣ заинтере- совали жуки навозники. На при- грѣтой солнцемъ дорогѣ, у ком- ковъ свѣжаго навоза, уже суети- лись красивые, крупные, какъ орѣхъ, жуки, работая своими лап- ками и головками. Головы у этихъ жуковъ служатъ имъ вмѣсто ло- патъ и они отлично разламываютъ ими навозъ и роютъ норки, въ которыхъ живутъ. Стоило только всмотрѣться, какая дѣятельность кипѣла на дорогѣ! Такого рвенія не было даже у тѣхъ рабочихъ, которые строили недалеко отъ насѣ желѣзную дорогу. Мы присѣли на корточки и стали наблюдать. Одни изъ жуковъ работали на поверх- ности навоза, другіе прокапывали въ немъ ходы, а третьи старались овладѣть мелкими кусочками, что- бы какъ можно скорѣе скатать изъ нихъ шарики и спрятать ихъ въ норки. Самые мелкіе жуки стреми- лись оттащить для себя въ сто- рону тотъ матеріалъ, который они воровали тутъ-же у болѣе круп- ныхъ и который эти послѣдніе уже начали складывать около себя въ кучки, чтобы полакомиться на- возцемъ гдѣ-нибудь на свободѣ.

Горный потокъ.

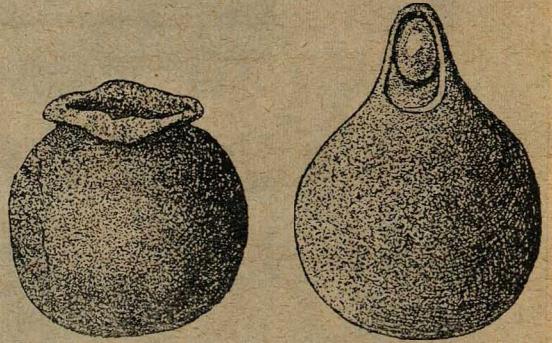
Лѣтній вечеръ.

Запахъ свѣжаго навоза жуки чуютъ за цѣлую версту въ окружности и спѣшать со всѣхъ сторонъ слетѣться за провіантомъ. Тѣ, которые живутъ подалше, прилетаютъ на крыльяхъ, а другіе приходятъ пѣшкомъ. Мы это замѣтили отлично.

Но вотъ навозный жукъ вмѣстѣ съ товарищемъ начинаетъ работать и выкатывать изъ навоза шарикъ. Шарикъ этотъ становится все больше и больше и наконецъ дѣлается раза въ четыре или въ пять больше самого жука. Скатавъ его, жукъ покатитъ его къ себѣ въ норку и тамъ на свободѣ будетъ его ѣсть. Шарикъ будетъ съѣденъ съ большимъ аппетитомъ, потому что на него тратится всегда много труда. Но прослѣдимъ, какъ именно жукъ-навозникъ выдѣлываетъ этотъ шаръ.

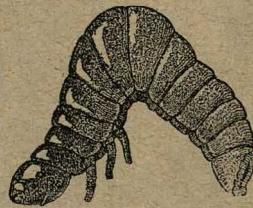
На плоскомъ, переднемъ краю головы жука расположены зубцы. Это — орудіе для копанія. Это вилы жука, съ помощью которыхъ онъ вытаскиваетъ изъ навоза и отбрасываетъ въ сторону ненужныя ему для питанія частицы. Ими-же онъ сжимаетъ въ комочекъ получившійся такимъ образомъ чистый навозъ. Комочекъ превращается въ шарикъ, шарикъ — въ цѣлый шаръ. Если шаръ готовится только для ѣды, то жукъ не особенно заботится о чистотѣ; если-же жукъ хочетъ обзавестись потомствомъ, то онъ выбираетъ для шарика самый чистый и самый мягкій навозъ. Въ такомъ шарикѣ, докативъ его до своей норки, онъ дѣлаетъ ямочку.

Самка кладетъ въ эту ямочку яичко и замазываетъ его. Затѣмъ жукъ придаетъ шару форму груши, причеиъ въ узкомъ концѣ ея покоится яичко, и оставляетъ его лежать. Отъ времени навозъ

Шарики жука-навозника.

на поверхности такой груши засыхаетъ и изъ него образуется пленка. Внутри-же груши, отъ способности навоза становиться горячимъ, дѣлается тепло. Подъ влияніемъ этого тепла изъ яичка вылупляется личинка, которая начинаетъ питаться навозомъ, содержащимся въ грушѣ, и увеличиваться въ ростѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ съѣденъ внутри пленки весь навозъ и пока личинка не выростетъ настолько, что не будетъ уже въ состояніи помѣщаться въ пленкѣ. Тогда она разрываетъ пленку и черезъ нѣсколько времени превращается и сама въ такого-же навознаго жука, какой скаталъ для нея когда-то шарикъ. Почувавъ издалека, хотя-бы за версту отъ норки, запахъ свѣжаго навоза, такой новорожденный жукъ тотчасъ-же съ гудѣніемъ летитъ на поживу, и на-

Личинка жука-навозника.

чинаетъ скатывать шарикъ и для себя.

Какъ сказано, жукъ-навозникъ въ дѣдѣ неприхотливъ и довольствуется тѣмъ, что попадетъ ему подъ голову и лапки. Лапки у него сильныя, мощныя, способныя разбить на частицы хоть какой-угодно ссохшійся навозъ. Работаетъ жукъ при копаніи передними ногами и вскопанный ими и головой навозъ забираетъ себѣ подъ грудь. Здѣсь онъ стискиваетъ его въ одинъ комокъ второй парой ногъ и проталкиваетъ далѣе подъ брюхо. Комокъ этотъ схватываетъ третья пара ногъ, то есть заднія лапки,— и уже скатываютъ изъ нихъ шарикъ.

Въ пасмурную погоду навозникъ работаетъ не спѣша, но въ жаркую, когда палитъ солнце и навозъ скоро высыхаетъ, онъ торопится изъ всѣхъ силъ. Забавно бываетъ глядѣть, какъ всѣ такіе жуки копошатся около одной кучки навоза и въ спѣшкѣ толкаютъ одинъ другого.

Но вотъ шарикъ уже готовъ. Теперь жуку надо выбратъся съ нимъ изъ толпы и припрятать его къ себѣ въ норку или въ укромное мѣстечко. Не долго думая и не теряя даромъ времени, онъ обхватываетъ шаръ задними ногами. Опираясь о землю средними ногами и работая, какъ рычагами, передними, онъ начинаетъ двигаться задомъ, головою внизъ и нижними ногами вверхъ. Короче говоря, онъ идетъ на переднихъ ногахъ и тащитъ за собою шаръ задними. При этомъ, прокатывая шаръ, онъ старается, чтобы шаръ вертѣлся и касался земли всѣми своими точками; отъ этого шаръ

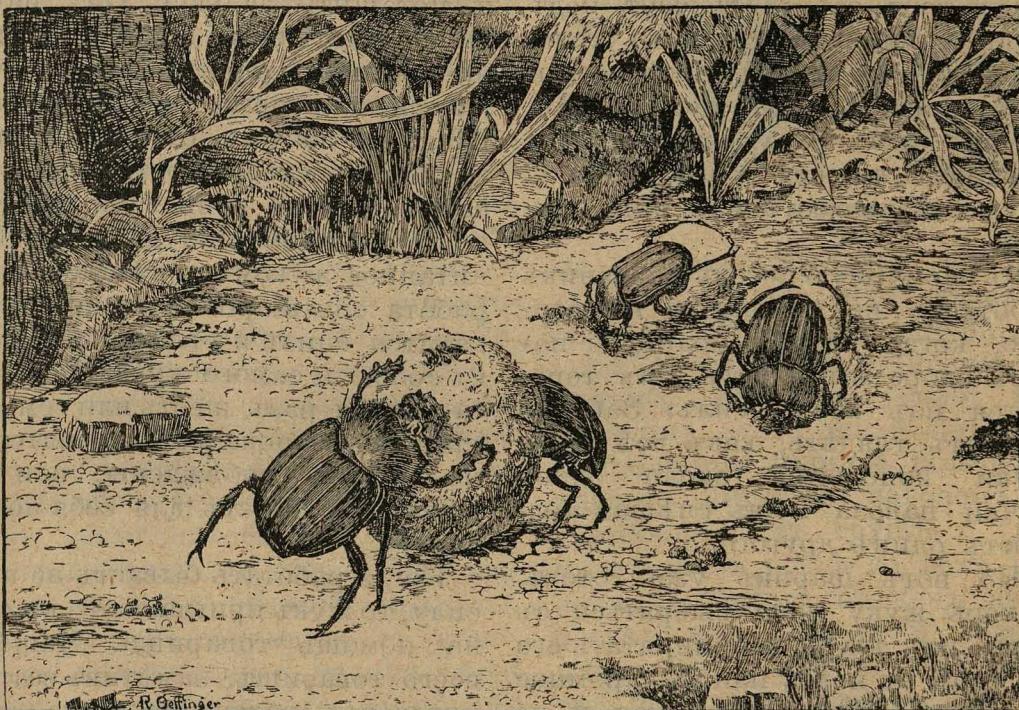
приобрѣтаетъ наиболѣе круглую форму.

Шаръ вертится и катится и вдругъ—неожиданная оказія. Навозникъ идетъ по косоугору, а шаръ скатывается вдругъ въ сторону и опрокидываетъ жука на спину. Жукъ дрыгаетъ ногами, переворачивается, становится на нихъ и спѣшитъ вдогонку за шаромъ, чтобы опять схватить его и потащить далѣе. Онъ начинаетъ вкатывать шаръ наверхъ, на прежнюю дорогу. Здѣсь начинается для него тяжкая работа. Шагъ за шагомъ, съ превеликимъ трудомъ и осторожностью шаръ докатывается до извѣстной высоты, но тутъ—какое-нибудь плохо рассчитанное жукомъ движеніе—и вся работа опять пропала: шаръ опять катится внизъ и увлекаетъ вмѣстѣ съ собою и самого жука. Такъ повторяется разъ шесть или семь, до тѣхъ поръ, пока всѣ препятствія не будутъ побѣждены, или же жукъ не изберетъ для себя новую дорогу.

Когда работать бываетъ не подъ силу, то жукъ приглашаетъ къ себѣ на помощь товарища. Чаше-же всего товарищъ, замѣтивъ затруднительное положеніе жука, присоединяется къ нему самъ безъ приглашенія. Съ этого момента оба они дѣйствуютъ какъ союзники, такъ какъ помощникъ уже потребуетъ для себя изъ этого шарика часть въ вознагражденіе за подмогу. Подъ предлогомъ товарищеской услуги и помощи второй жукъ при первой-же возможности стремится отнять добычу у ея законнаго владѣльца. Скатать шаръ самому, — понадобились-бы время и трудъ, такъ почему-бы, подъ ви-

домъ услужливости, и не воспользоваться чужимъ? И вотъ такой помощникъ становится къ сторонкѣ и начинаетъ наблюдать, кому изъ его товарищей нужно „помочь“? Онъ бросается къ нему, обхватываетъ шарикъ уже передними, а не задними лапками съ другой стороны и начинаетъ его подталкивать. Докативъ шарикъ

и сильнѣе, идутъ къ цѣли прямо и совершаютъ свое разбойное нападеніе сразу и исподтишка. Иногда между истиннымъ владѣльцемъ шарика и любителемъ чужой собственности происходитъ драка, въ которой одерживаетъ верхъ разбойникъ, и тогда побѣжденный спокойно возвращается къ навозу и начинаетъ мастерить

Жуки-навозники катятъ шарикъ къ себѣ въ норку.

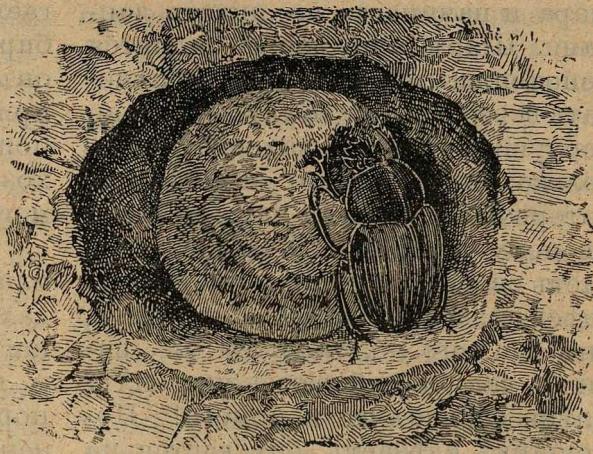
до мѣста, оба жука принимаются за обѣдъ. Они съѣдаютъ его мирно и не ссорясь и расходятся каждый восвояси. Но чаще всего случается такъ, что помощникъ отнимаетъ шарикъ себѣ и съѣдаетъ его одинъ. При этомъ одни изъ такихъ „помощниковъ“ предательски дѣлаютъ видъ, будто-бы безкорыстно хотятъ помочь своему пріятелю; другіе-же, которые посмѣлѣе

для себя шарикъ снова. Воръ-же катитъ шарикъ къ себѣ въ норку, какъ свою неотъемлемую собственность. Бываетъ и такъ, что по дорогѣ на этого вора нападаетъ второй воръ, а на второго третій — и все подъ видомъ оказанія дружеской услуги. Такихъ покражъ не бываетъ только тогда, когда одинъ и тотъ-же шарикъ катятъ до своей норки оба супруга. Тогда у нихъ

дѣло идетъ спорѣе и безъ ссоръ. Они спокойно докатываютъ шарикъ до мѣста т. е. къ себѣ въ норку и сѣдаютъ его тамъ сообца, или-же самка кладетъ въ него яичко и оба супруга потомъ замазываютъ его и придаютъ шарикѣ форму груши и отправляются дѣлать шарикъ вновь.

Итакъ, владѣлецъ шарика тащитъ его къ себѣ въ норку задними ногами и головою внизъ; помощникъ подталкиваетъ его сзади передними лапками, стоя на заднихъ. Иногда эти подталкиванія бывають такъ сильны и такъ несоразмѣрены съ усиліями хозяина, что оба они—и хозяинъ, и помощникъ—кувыркаются въ разныя стороны, и шаръ катится уже одинъ. Тогда оба жука быстро вскакиваютъ на ноги и хватаются снова за шаръ все въ томъ-же порядкѣ и никогда не случается такъ, чтобы помощникъ занялъ мѣсто хозяина и уцѣпилъ въ шаръ задними ногами. А часто бываетъ и такъ, что помощникъ вцѣпляется въ шаръ всѣми своими шестью лапками, тѣсно притискивается къ нему брюшкомъ и составляетъ собою, такъ сказать, одно цѣлое съ шаромъ. Тогда вся работа падаетъ на одного хозяина: онъ тащитъ на себѣ и шаръ, и своего помощника и часто выбивается изъ силъ, чтобы только дотащить ихъ обоихъ до норки. И какъ только шарикъ оказывается въ норкѣ, такъ помощникъ тотчасъ-же отцѣпляется отъ него и начинаетъ его жадно ѣсть, не обращая вниманія на хозяина. Если въ такихъ случаяхъ, по пути къ норкѣ, шаръ срывается и ка-

тится подъ косогоръ, то онъ катится туда уже вмѣстѣ съ прицѣпившимся къ нему помощникомъ

Жукъ-навозникъ у себя въ норѣ.

и этотъ послѣдній милостиво разрѣшаетъ потомъ хозяину вкатывать шаръ вмѣстѣ съ собою обратно наверхъ. Такимъ образомъ помощь такого „помощника“ иногда оказывается для хозяина однимъ только затрудненіемъ.

Иногда случается и такъ, что шарикъ сваливается въ какую-нибудь довольно глубокую ямку, изъ которой жукамъ его уже не вытащить. Тогда, не долго думая, оба они бросаютъ его и улетаютъ обратно къ навозу, на дорогу, гдѣ снова принимаются за скатываніе новыхъ шаровъ, уже каждый для себя. Случается и такъ, что срываясь съ крутизны внизъ, шарикъ вонзается на какой-нибудь шипъ и становится неподвижнымъ. Въ первую минуту жукъ думаетъ, что онъ наткнулся на естественное препятствіе—на колею отъ колеса, на корень или на камешекъ, преграждающіе ему путь. Онъ удваиваетъ усилія и дѣлаетъ все возможное, но шаръ не двигается.

Чтобы узнать, въ чемъ дѣло, жукъ два или три раза обходитъ вокругъ. Не найдя причины, вызвавшей помѣху, онъ становится снова позади шара и начинаетъ его пихать лапками. Шаръ попрежнему остается неподвижнымъ. Остается изслѣдовать верхъ. Тогда Жукъ лѣзетъ на верхушку шара и находитъ тамъ только одного своего помощника, который вцѣпился въ шаръ и тѣсно къ нему прилипъ. Хозяинъ толкаетъ своего помощника. — „Что ты здѣсь дѣлаешь?“ кажется, кричить, онъ на него. — „Развѣ ты не видишь, какъ я выбиваюсь изъ силъ? Слѣзь сейчасъ-же и помоги!“ Помощникъ слѣзаетъ, спускается на землю и оба жука вмѣстѣ начинаютъ доискиваться причины. Но и вдвоемъ они не приходятъ ни къ какому рѣшенію: очень ужъ рѣдкій, запутанный случай. Они обнаруживаютъ усилями сильную озабоченность. Наконецъ обоимъ навозникамъ приходитъ въ голову одна и та-же мысль: — „А не находится ли задержка гдѣ-нибудь внизу, подъ самымъ шаромъ?“ Начинаются поиски у самаго основанія шара, жуки раскапываютъ подъ нимъ землю — и вдругъ убѣждаются, что шаръ засѣлъ на шипъ.

Теперь какъ снять шаръ съ шипа? Оба жука подлѣзаютъ подъ шаръ и начинаютъ поднимать его кверху спинами, чтобы онъ слѣзъ съ шипа. Но шипъ оказывается длиннымъ и ихъ спинъ не хватаетъ. Тогда они становятся на заднія ножки и стараются поднять его передними. Если и это не помогаетъ, и шаръ сидитъ на слишкомъ длинномъ шипѣ, то они подкатываютъ къ шару камешки, становятся на нихъ задними лапками,

какъ на ступеньки, и передними снимаютъ его съ занозы. Потомъ они катятъ шаръ дальше. Сперва помощникъ дѣйствительно помогаетъ, а затѣмъ, когда шаръ выбирается уже на ровную дорогу, онъ снова вцѣпляется въ него, принакаетъ къ нему брюшкомъ и попрежнему ничего не дѣлаетъ: хозяинъ тащитъ и шаръ и его самого одинъ.

Если у хозяина норки нѣтъ, или шаръ уклонился отъ нея далеко, то, докативъ его до избраннаго мѣста, жукъ оставляетъ его и принимается за рытье новой норки. Онъ начинаетъ долбить землю головой и сверлитъ ее передними лапами, широко разбрасывая вокругъ себя крошки. Когда онъ закапывается въ землю уже настолько глубоко, что ему трудно бываетъ выкарабкаться изъ нея моментально, то помощникъ, точно почуявъ, что теперь уже настала удобная минута, сразу оживаетъ, спускается съ шара внизъ, хватается его задними лапками и, пока хозяинъ занятъ работой, удираетъ съ добычей съ быстротою вора, не желающаго быть настигнутымъ. Вылѣзши изъ земли, хозяинъ оглядывается и не находитъ ни шара, ни пріятеля. Воръ съ добычею успѣлъ уже удрать далеко. Увидѣвъ, что шаръ исчезъ, владѣлецъ, повидимому, ни сколько не удивляется: онъ уже привыкъ къ такимъ случаямъ и знаетъ, что это должно обозначать. Обоняніе скоро его наводитъ на слѣдъ, онъ снимается съ мѣста, летитъ и скоро накрываетъ бѣглеца. Лишь только тотъ увидитъ, что его злодѣйскій поступокъ открытъ, какъ тотчасъ-же пускается на хитрость

и мгновенно перемѣняетъ позу, т. е. становится на заднія ноги и толкаетъ передними шаръ, какъ будто-бы онъ никогда и не воровалъ, а все время, въ качествѣ помощника не отходилъ отъ порученнаго ему шара, который откатился самъ собою. Хозяинъ добродушно относится къ этой лжи и оба они начинаютъ опять катить шаръ къ вырытой новой ямкѣ, какъ будто бы ничего и не произошло. Въ ямкѣ они оба безъ всякой ссоры, сѣдаютъ этотъ шаръ до послѣдней крошки. Если же грабителю удастся выиграть время и укатить свою добычу подальше и если вообще ему въ этомъ повезетъ, то шаръ для истиннаго владѣльца потеряетъ навсегда. Ему остается опять летѣть обратно къ навозу на дорогу и приниматься за скатываніе новаго.

Нора навозника чаще всего бываетъ вырыта имъ въ пескѣ. Она не глубока, объемомъ въ картошку и соединяется съ поверхностью земли короткимъ ходомъ такой величины, чтобы только черезъ него прошелъ туда шарикъ. Когда шарикъ благополучно доставленъ

сюда, то навозникъ запирается и и закапываетъ изнутри ходъ принесенной заранѣе для этого и отложенной къ сторонкѣ кучкой земли. Затѣмъ онъ принимается за обѣдъ. Шарикъ занимаетъ почти всю норку: между имъ и стѣнками остается только узенькій промежутокъ; здѣсь засѣдаетъ хозяинъ, а иногда съ нимъ и его помощникъ—и оба бываютъ такъ увлечены ѣдой, что и не замѣчаютъ иной разъ, какъ къ нимъ забирается полевая мышь или кротъ, которые сѣдаютъ и ихъ самихъ, и ихъ ѣду. Запершись въ своей кельѣ, навозникъ ѣстъ непрерывно и день, и ночь, и когда сѣдаетъ все, то снова выходитъ на Божій свѣтъ, сооружаетъ себѣ новый шаръ и поступаетъ съ нимъ такъ же, какъ и съ первымъ. Такая, полная довольства, жизнь тянется около двухъ мѣсяцевъ (май и июнь). Когда-же наступаетъ жара, то навозникъ зарывается въ землю, насыпаетъ и просыпается только въ августѣ, когда становится свѣжѣе. Въ этотъ-же промежутокъ времени получаетъ развитіе и превращается въ жука и его личинка. А. Ч.

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 21, помѣщенныхъ въ № 21 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I., Самара. II., По самому Везувію. III., Тру (ба) + дно + ре + бусы + разъ + гады + (кро) вать = Трудно ребусы разгадывать. IV., Нога, вата, гора = навага.

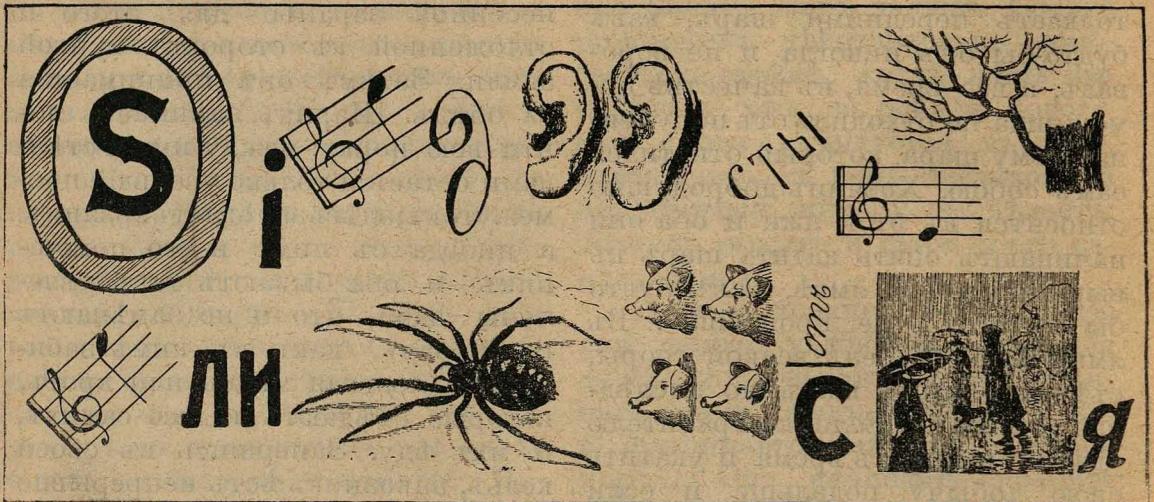
Ребусъ № 21: Д+ля+п+очи+нки+мость+а+со+бра+дось+мно+гора+б+очи+хъ+съ+за+ступа+ми+и т+ель+ежъ+ка+ми=Для починки моста собралось много рабочихъ съ заступами и тельжками.

Вѣрные рѣшенія прислали: Т. Каледина, Коля и Ваня Клочковы, А. Аѳонскій, Л. Зерцалова, М. и Г. Тагильцевы, Боря Михалевъ, Н. Ашихмина, А. и Л. Драчевы, Юсь изъ Воронежбы, Т. и Б. Булгаковы, Э. Ланевская, Ю. Пшенская, В. Философовъ, Д. Мордухай-Волтовской, С. и Ж. Краквины, Леликъ-кроликъ Богушъ, Э. и В. Ховень, Т. Азархъ, Дѣти Востриковы. Э. Веймарнъ, И. Шеляховская.

Необыкновенный успѣхъ журнала «Золотое Дѣтство»!!

За текущій годъ **ЖУРНАЛЪ РАЗОШЕЛСЯ ПО ПОДПИСКЪ ВЕСЫ!**
Подписка на 1916 годъ **уже открыта.** Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Ребусъ № 23.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1916 годъ
НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.
Выходитъ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).
Подписной годъ съ 1-го Ноября.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ для ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

КНИГА съ иллюстраціями:

«БРАТЪ И СЕСТРА».

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода — 2 руб. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи «Золотое Дѣтство»,
Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣст-
ныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Годъ девятый

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1914—1915 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство, въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12 ИГРЪ для дѣтей.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено къ выпискѣ во
ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой
на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.
на художественно-литературный журналъ для дѣтей

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

(отъ 7—12 лѣтъ).

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. При каждомъ номерѣ приложенія. На годъ съ доставкой и пересылкой 3 р. 80 к.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.